

ронников, если бы их идеи не воспроизводились в ежедневном дискурсе их лидеров и сторонников, не тиражировались бы средствами массовой информации» [Дейк 2000: 50].

Исходя из этого, можно предположить, что нам вполне сознательно предлагают осмыслять и обсуждать проблему трудовой миграции, руководствуясь не разумом и законом, а искусственно возбужденными эмоциями. По словам Е. М. Вольф, «в мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [Вольф 1985: 203]. Таким образом, от концептуального мира, построенного на правовом фундаменте (другой вопрос: был ли он построен и в какой степени, если от него так легко отказаться?), мы (под незаметным, но эффективным руководством СМИ) переходим к концептуальному миру, основанному на понятиях *нравится / не нравится, подходит / не подходит, хочу / не хочу*.

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, она может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М., 1984.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Дейк Т. А., ван. Расизм и язык. М., 1989.

Дейк Т. А., ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Минск, 2000.

Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. М., 1998.

Скрещцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus Philologicus*. 2003. N 4. Kaunas, 2003. С. 73-79.

Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе масс-медиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // В. Hallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991.

© Скрещцова Т.Г., 2007

Червиньски П.

Катовице, Польша

СЕМАНТИКА НЕГАТИВНО ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(Ср. подобный подход в [Zaslowsky, Fabris 1982])

Abstract

The units naming the persons, make one of the most numerous nominative groups of the Soviet reality language. With their help in language of the Soviet ideology and propagation were made differentiation (distribution on categories) and estimation of various groups, layers and representatives of controlled society, that it is possible to consider as one of leading tools of authority realization. The article is devoted to the working out of criteria and bases of paradigmatic description of the negative estimation categories at a designation of persons in the Soviet reality language. The outputs to representation of man in the Soviet language world picture are outlined. It is made the conclusion of necessity to elaborate the generative-perceptive base of the sovietized language for description of internal, conceptual features causing semantics and word-using of this specific usual form of national language.

***

Изучение всякой функциональной формы национального языка предполагает, по-видимому, началом (и завершением) определение ее специфики, с характеристикой сходств и отличий от того общего, частью которого она является. Язык советской действительности, рассматриваемый в данной статье с точки зрения семантических категорий, сопровождавших оценку в нем человека, может быть интерпретирован как такая форма по отношению к русскому языку.

Не вдаваясь в теоретические подробности и не стремясь его как-то более или менее точно определить – как язык (или только дискурс) политизированный, идеологизированный, тоталитарный, пропагандистский, официальный, партийный, как новояз (*nowomowa, newspeak*), квази-, псевдоязык [Seriot 1986], [Weiss 1986], [Głowiński 1990], [Купина 1995], [Земская 2000], не возражая в принципе, но и не принимая для себя никакого из этих определений, попробуем подойти к явлению несколько с иной стороны, точнее, двух разных сторон. Во-первых, как к узуальной форме национального, русского в данном случае, языка, поскольку таковым он в известный период времени был, а во-вторых, изнутри его самого, на выбранном для анализа материале постаравшись определить, на основе каких смысловых и оценочных механизмов он действовал. А поскольку идеологизованность, во многом сознательно создаваемая и вводимая, политическая и оценочная ангажированность его единиц [Ермакова 2000], несомненно, являлись определяющим и характеризующим свойством данного языка, определение указанных механизмов может дать представление не только о нем самом, но и о возможном действии всякой идеологически, мировоззренчески и когнитивно заряженной узуальной формы национального

языка, к каковым относятся языки политики в любом из своих проявлений.

Подходя к языку советской действительности как к узуальной форме русского языка, следует оговориться в том отношении, что интересовавший нас материал интерпретировался, с одной стороны, как материал языка советского времени в целом, не только в его официально-публицистическом представлении, а с другой, как материал языка, заряженного «советским» в языковых своих формах и речевых проявлениях. Степень и виды такого пронизывающего вхождения советского языка в русский язык, пропитанности его советскостью, различны, неоднозначны и далеко не всегда очевидны в своих результатах и оформлении. Исследователи, обращая внимание в первую очередь и в основном на броские или уродливые внешние признаки языка советской эпохи [Шарифуллин 1990], [Горбаневский 1992], [Зильберт 1994], не замечают, как правило, скрытого, незаметного действия его особым образом ориентированных парадигм языкового сознания, языковой ментальности, воплощаемых далее в формах и способах порождения и восприятия языка. Не стоит, по-видимому, преувеличивать названное явление, неизбежно себя изживающее вместе с меняющимися общественными условиями [Клемперер 1998], но, не преувеличивая и не демонизируя, имеет смысл выявлять и описывать. Для самых разных причин и целей, но хотя бы уже потому, что произведенный, беспрецедентный в своих социальных последствиях и масштабах, эксперимент, в данном случае над языком, следует объективно представить и осознать.

Советский язык (точнее было бы сказать, советизированный) по отношению к русскому языку соответствующего периода в определенном смысле оказался одновременно надстройкой и базисом, если использовать терминологию того времени. Базисом в силу того, что порождал в языке как средстве общения, т.е. в узусе, соответствующие, им вводимые, заряженные, единицы, структуры и механизмы, делая это одновременно авторитарно и натурально. Надстройкой – по отношению к материалу национального языка, используя его, обрабатывая и аранжируя в своих видах и целях, формируясь внутри него, с тем, чтобы, входя в него (а может, и не выходя из него), также естественно и натурально, занять в нем место и нишу, врасти в него, угнездиться, заметно и незаметно, в нем.

Заметность не требует сложного поиска, анализа и глубоких подходов. Обнаруживая себя лексемно, она очевидна: *колхоз, октябренок, пионер, комсомолец, дружина, линейка*. Проблема может состоять в различении видов и степени советизированной заряженности единицы, в ряде случаев практически не отличающейся от единицы общезыковой, точнее отличающейся

от нее лишь в контексте и узуально (ср.: книжн., возв., возм. устар. *пламенная любовь, охваченный пламенной страстью, пламенные признания, клятвы* и советское *пламенный боец за мир, пламенный революционер, с пламенным приветом* или *светоч, факел, луч, маяк, костер* как нейтральные в идеологическом отношении общеупотребительные слова языка и *светоч партии, светоч коммунизма, поднять факел социализма, факел революции, светлый луч, наши маяки, маяки соревнования, пионерский костер* как советизмы).

Что же касается незаметности, не обнаруживаемости присутствия, с этим сложнее. Это требует системного рассмотрения, без какого оказывается не точным, поверхностным, приблизительным, а часто и не представимым. Чем отличается, скажем, в оттенках значения и коннотациях, *пламенный* в сочетании с *любовью, страстью, признаниями, клятвами* от *пламенный* в сочетании с *революционер, боец* и *привет*? Общие характеризующие определения 'пылкий', 'страстный' и уточнения типа «В советск. время: употреблялось как эпитет коммуниста» [Толковый словарь 1998], встречаемые по словарям, дают представление, но отличия не объясняют. Равно как и не объясняют их используемые в работах характеристики типа политизированное, идеологизированное, советизм, пропагандистское, публицистическое и т.п. При всем оживлении интереса к проблеме советского языка и явления советизма в его отношении к русскому языку, месту, роли и современному положению в нем, необходимо отметить, что с точки зрения смыслового и коннотативно-оценочного анализа собственно языкового материала проблема эта не только не решена, но еще не поставлена. Не поставлена в силу своей, с одной стороны, казалась бы, очевидности для того, кто пишет, и того, к кому это обращено: достаточно привести всем знакомый (пока или все еще) из недавнего прошлого публицистический советский пример, и все станет ясно без объяснений. И не поставлена в силу, с другой стороны, своей неуловимости, не поддающейся скорому объяснению, поскольку проблема подобного определения требует основательного системного и типологического подхода.

Суть такого подхода, как представляется, заключается в первую очередь в том, чтобы выявить парадигматику советизированных семантических и коннотативных признаков и оснований. На этой основе, с одной стороны, возможным будет определение советизированности как свойства и как когнитивной, оценочной и генеративно-перцептивной системы. С другой же, установление отличий в видах и степени соответствующей заряженности у языковых единиц. И то, и другое – определение советизированности как свойства и характеристика вида и степени у единицы – в значитель-

ном ряде случаев может оказаться задачей сложной и неоднозначной. Скажем, такие общепотребительные слова, как *вымпел, награда, премия, значок, поощрение, благодарность, программа, пример, образец* и т.п., бывшие активными и заряженными в языке советской действительности, существуя до него и оставаясь после, чем отличаются в этих двух своих проявлениях – как идеологизированные и как нет? Речевой контекст, фразеологизованность как внешние признаки оформления соответствующих употреблений в данном случае не обязательны, достаточна сама отнесенность к действительности, мысль о ней как советской, до- или постсоветской, и изменяется смысл, коннотация и оценочное сопровождение у слова. Возможно пойти еще дальше. Слова, которые трудно представить себе заряженными, т.е. как советизмы, нейтрально общепотребительные слова языка, бывшие таковыми также в советское время, могут, и не случайно, восприниматься по-разному в зависимости именно от того, о советской или не о советской действительности идет в связи с ними речь. *Школа, семья, воспитание, собрание, учителя, педагоги, директор, ученики, юноши, девушки, руководитель, деньги, очередь, магазин, касса, работа, завод, деревня, село, улица, площадь, умственный и физический труд, развитие, путь, судьба, звание, крестьянин, рабочий, работник, интеллигент, пенсия, конституция* и т.п., попадая в поле действие советскости, семантизируются и коннотируются совершенно иначе, чем вне его. С другой стороны, возможны слова, появившиеся в советское время и самим этим фактом, казалось бы, должныствующие иметь на себе соответствующий отпечаток, вовсе не обязательно могут его и в дальнейшем иметь, ср.: *зарплата, милиция, электричка, заочник, дипломник, вуз, выпускник, аспирант, стажер, физкультура, подсобка, роддом*.

Процессы, которые переживают слова с изменением общественно-исторической обстановки и определяемые, в частности, как процессы деидеологизации, деактуализации, деполитизации, разрушения прежней смысловой корреляции и установления новой [Ермакова 2000], как процессы трансформации лексической семантики и сочетаемости [Какорина 2000], можно сравнить с различиями тематического и лингвокультурологического характера, концептуально-типологическими в своей основе. На примере советского языка (впрочем, не только советского) это можно представить довольно наглядно. Одно дело *рабочие, школа, семья, образование, наука, пенсия, медицина, деревня, магазины, люди, врачи, учащиеся, рынок, торговля, человек, руководитель, любовь, преданность, патриотизм* и пр. у себя и совсем другое где-то и у кого-то еще, для чего потому и использовались необ-

ходимые в этом случае определения *наш, наши, советский, советские, социалистический, подлинный, настоящий, действительный, неподдельный, высокий, с большой буквы, искренний, полный, широкий, прямой, непосредственный* и т.п. Чем отличается, скажем, *советский руководитель* от просто *руководителя*, *подлинный интерес* от такого же *интереса*, но без уточнения, *пристальное внимание* от *внимания*, которое по смыслу предполагает обращение на объект и тем самым пристальность, *глубокая озабоченность* от *озабоченности* без этого определения? Или, скажем, такое, может, с другой стороны, как *советские магазины, советский рынок, социалистическая торговля, социалистическая любовь, советский патриотизм* или *подлинный патриотизм*? Избыточность либо направленность уточнения имеет смыслом снять нежелательную коннотацию, приписав желательную, поместив значение слова в ряд и систему необходимых для говорящего концептуально-оценочных связей и отношений. Обозначенные отличия можно было бы объяснить по принципу *советский руководитель* – это такой, который обладает такими-то и такими-то свойствами, а *подлинный интерес* – интерес неподдельный, не показной, вызванный внутренним побуждением, направляемый потребностью со стороны лица. Но подобные объяснения, оставаясь в пределах порождающих их идеологем, не показывают и не отражают их концептуального смысла. Что означает *подлинный патриотизм* в данной системе, поскольку в другой он будет чем-то другим, означает ли сочетание *советский врач, советская школа, советские юноши и девушки* нечто большее, чем отношение к определенной стране и ее политической и социальной системе? Видимо, да, но что кроме идеологических и оценочных коннотаций? Смена смысловой корреляции, таким образом, трансформации семантики и сочетаемости обусловлены тем, что стоит за словом и является частью тех отношений, которые связаны, как представляется, с пресуппозициями и модальной рамкой лексического значения [Fillmore 1969], [Арутюнова, Падучева 1985: 31], [Крысин 1989: 146]. Однако все это требует обстоятельного и всестороннего рассмотрения.

Объектом исследования в настоящей работе были названия лиц в языке советской действительности. Те из них, которые можно определять как оценочные. Выбор был обусловлен несколькими причинами. Советский период развития языка, что отмечают как словари, так и многочисленные исследования, сопровождался значительным и постоянным ростом количества наименований лиц [Протченко 1975: 272-273]. Явление, вызванное, по мнению И. Ф. Протченко, воздействием социальных факторов, порождающим спрос на на-

именования, отличительной чертой которых является разнообразие, предполагающее «обозначение человека по множеству признаков (по отношению отдельной личности к природе и обществу, по политическим убеждениям и идейно-нравственным показателям, а также по трудовому, профессиональному признаку, по внешним качествам, душевным, моральным свойствам и т.д.)» [Протченко 1975: 272]. Социоцентристская природа советской агитационно-массовой пропаганды предполагала необходимость обращения к человеку, с одной стороны, как к объекту воздействующего влияния, с другой, как к предмету необходимой дискрипции и надлежащей оценки. Контроль и распределение как ведущие механизмы провозглашенного в самом начале социалистического строительства в конечном итоге и в первую очередь касались общественного и человеческого ресурса. Новое общество должно было строиться на основе ясного представления о том, кто есть кто, с кем и как предстоит иметь дело и каким, в связи с этим, должно быть совместное, выработанное и оценочное отношение к нему. Категоризация признаков, определяющих отношение к человеку, по этим причинам, в немалой степени должна была связываться с когнитивным ядром формируемого языка, а системы оценки отображать его внутреннее, воздействующее, направленное на личность и общество, существо.

Как и в любом ином случае, советский язык в данной сфере формируется и создается на базе национального языка, заимствуя из него, используя и перерабатывая в своих интересах и целях средства и механизмы, которые характерны, как экспрессивно-оценочные в рассматриваемом отношении, в целом для русского языка. Отсюда отмеченная ранее проблема неоднозначного разграничения в материале общезыкового и специфического, не имеющих строгих границ и не располагаемых полярно. Наряду с типично советскими, возможно при этом новыми и(ли) собственными, образованиями, существуют, с одной стороны, единицы русского языка, советскому языку не свойственные, для него не типичные и им избегаемые, а с другой, такие, которые, напротив, ему присущи, используются им, в нем встречаются, в большей или меньшей степени активны и свойственны для него, равно как и в большей или меньшей степени прошедшие в нем обработку. Поскольку трудно при первом подходе к материалу возможные виды, формы и степени подобного адаптивного отношения различить (но что желательно было бы сделать в последующем), обратим в настоящем исследовании внимание на две взаимонаправленных стороны. Во-первых, сам языковой материал, пытаюсь понять в нем и выявить прямо не обнаруживаемый критерий советскости. А во-вторых, систему, набор семантических кате-

горий оценки, типичных и характерных для отношения к человеку, проявляющего себя в соответствующих единицах советского языка. Руководящим стремлением на этом этапе анализа было, могло быть, не обобщение, а поиск, желание подобрать ключи к не совсем обычному материалу. Не совсем обычному в тех отношениях, о которых уже говорилось: органической связанности при внутренней чуждости общему языку, создаваемости, формируемости из него, на его материале, с одновременным отторжением и отрицанием его и в нем; малоисследованности, почти неизученности, в известном смысле закрытости, при внешней своей очевидности, узнаваемости и общепонятности (Пропагандистски навязчивый, унитаристский характер советского языка, вызвав к себе неприятие и отторжение, породил, как обратное действие и реакцию, скорее эмоционально заряженное и обличающее отношение у лингвистов, писавших о нем, чем стремление взвешенного и последовательно системного определения и описания внутреннего его существа. Обращаясь к советскому языку, исследователи отмечают в нем в первую очередь внешние, бросающиеся в лексике, фразеологии, словообразовании, а не категориальную продуцирующую природу его существа), уходе в пассив, но каким-то замедленным, обрабатываемым, с постоянным присутствием, образом (В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина определяют это явление как своего рода потенциальный уход в пассив: «Некоторая иллюзия живого функционирования советизмов поддерживается частотностью их бывшего употребления на страницах советской периодической печати, общественно-политической и художественной литературы, еще не утратившей своей актуальности. Поскольку **потенциально вся советская лексика относится к разряду устаревшей** (П.Ч.), но передвижение ее из активного словарного состава в пассивный еще далеко не завершено, разработка принципов использования пометы *устар.* ... могла бы оказаться наиболее серьезной из всего комплекса проблем стилистической параметризации материала.» [1998: 8]). Потенциальные эти, растянутые во времени, устаревание и уход, с одной стороны, создавая иллюзию избавления, дают ощущение отсутствия необходимости и право не заниматься, не интересоваться себя неизбежно уже изживающим языковым состоянием не слишком приятного прошлого. С другой, не изжитое до конца, не осознанное, оно незаметно присутствует где-то в глубинах его породившего языка и языкового сознания. А с третьей, все-таки уходя, отдаляясь в своем ощущении и во времени, оно все более теряет возможность остаться замеченным и описанным необходимо должным образом, с надлежащей подробностью, основательностью и глубиной. Таковыми отчасти бы-

ли предпосылки обращения к интересовавшему материалу.

Теперь о нем уже непосредственно. Объектом исследования были слова типа *аллилуйщик, зажимщик, перестраховщик, халтурщик, авральщик, срывщик, фарцовщик, прогульщик, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, попутчик, волокитчик, доносчик, аппаратчик, растратчик, антиобщественник, клеветник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, отказник, подкулачник, пособник, шабашник, двурушник* и т.п., служившие материалом выявления когнитивной системы оценок поведения, позиции, общественной роли и прочего применительно к человеку. Предполагаемым итогом такого подхода может быть, как уже говорилось, внутренний категориальный критерий советскости в отношении языковой единицы и также категориальные основания концепции человека во внутреннем представлении (т.е. не обязательно осознаваемом, явном и очевидном) советского языка. Проблемы идеологизации, идеологизированности, пропагандистской политизированности, публицистичности официоза, унитарности, однопартийности, деперсонализированной мифологичности, этатизма, социоцентризма советского языка, равно как и прочей его направленности, при подобном подходе, как-то с ним, безусловно, связанные, не играют, однако, определяющего значения. Выводом и результатом должны быть **семантизированные категории порождения и восприятия** вербального выражения, то, что имеет свое непосредственное отношение к когнитивному направлению в лингвистике и изучению языковой картины мира, тех или иных ее сторон и фрагментов, в данном случае не столько национального, сколько советского языка как его узуальной проекции. Окончательным выходом может быть выявление отношения языковой картины национального и советского языка, с определением общего и различного между ними. Однако это задача глубокой и основательной перспективы.

Для начала и ясности представления подразделим интересовавший нас материал на группы, позволяющие представить характер возможных соотношений в нем советски отмеченного и нейтрального. Временной показатель, связанный с периодами активности тех или иных негативно-оценочных советизированных лексем, с различной степенью их идеологической и политической актуализации и с возможным затем вытеснением на периферию или уходом в пассив, на данном этапе анализа во внимание не принимался. Равно как не брался в расчет критерий происхождения – советское новообразование или используемая единица национального языка, с тем чтобы, отвлекаясь от любых дополнительных, хотя бы и важных, критериев, обратиться в самом начале к пред-

ставлению вероятных различий советскости (Трудность подобного различения, являющаяся следствием и отражением подвижной неоднозначности анализируемых единиц, требует столь же подвижного и неоднозначного отношения к ним как к представителям выводимых групп, в пределах которых их следовало бы рассматривать как возможные иллюстрации. Группы имеют место и значимы в отношении изучаемого языка, в то время как единицы, им свойственные и для них характерные, могут быть те и другие, в зависимости от приписываемых им значения и коннотации. Поскольку анализируемый материал не описан достаточно ни в том, ни в другом отношении, представления о нем могут быть субъективны).

Первую группу составят слова с очевидной и явной советскостью, почти исключительной и резко направленной, характерные по преимуществу для публицистической речи, с оттенками обличения и острого осуждения: *аллилуйщик, зажимщик, прижимщик, перестраховщик, перегибщик, авральщик, штурмовщик, срывщик, загибщик, лакировщик, перевертень, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, антиобщественник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, переносчик (слухов), аппаратчик, растратчик, комитетчик, отказник, подкулачник, пособник, церковник, частник, лабазник.*

Вторую группу – слова разговорные, со «вставляемой» советскостью, фигурирующей в них как оттенок коннотативного замещенного дополнения, при этом сила и острота обличения и осуждения имеют в них регулятивный характер, т.е. могут быть более или менее резкими, в зависимости от условий употребления и политического периода: *фарцовщик, прогульщик, халтурщик, порубщик, жалобщик, потаковщик, подтасовщик, анонимщик, позромщик, самогонщик, перекупщик, половинщик, волынщик, поклепщик, подговорщик, притворщик, потворщик, алиментщик, комплиментщик, приживальщик, неплательщик, самовольщик, прихвостень, оборотень, фальшивомонетчик, начетчик, попутчик, волокитчик, бюрократ, потатчик, мошенник, законник, низкопоклонник, склочник, сутяжник, законник, кляузник, клеветник, наемник, собственник, шкурник, изменник, матерщинник, карманник, рвач, наушник.*

Третью группу – слова с укрытой, неявной советскостью, точнее было бы определить ее термином «смазанной», нередко намеренно двойственной и(ли) затемненной, и таким же характером негативной оценки: *глубинщик, гуталинщик, керосинщик, сыщик, понукальщик, дурильщик, добытчик, лудильщик, захребетник, наплевист, локатор, куратор, мирильщик, заводила, подпевала, обирала, вельможа, зверь, вепрь.*

И четвертую группу – слова, своего рода притягиваемые, не советские по своему значе-

нию и характеру, но, будучи советизированы, способные приобретать специфический смысловой и коннотативный оттенок: *морильщик, бурильщик, удильщик, пилитьщик, строгальщик, заговорщик, разносчик, хозяин, хозяйчик, затейник, нахлебник, кутила, фигурант, прохиндей, живодер, мандарин, чиновник, сановник, барин, миротворец.*

За пределами перечисленных групп, своего рода пятую группу составляют слова, советскому языку не свойственные, не используемые и не коннотируемые в нем, как правило: *бабник, придирищик, наговорщик, субчик, молодчик, господчик, указчик, немчик, турок, фетюк, господинчик, попрыгунчик, дворянчик, купчик, доносчик, висельник, крамольник, кремешник, богохульник, подонки, вертопрах, ловелас, фифа, фигура, фря, пустозвон, фанфарон, прощельга, бахвал, мазила.*

Группы находятся в отношениях корреляции (первая со второй, третья с четвертой) и противоположения первых двух двум последующим. Основу коррелятивности составляют признаки отношения к формируемой советской системе. В первой группе слова называют и характеризуют тех, кто является по отношению к ней потенциальным ее деструктором, негативно, нередко намеренно и сознательно, воздействуя на различные внешние или внутренние ее составляющие. Во второй представлены лица, определяемые и характеризуются как агенты нежелательного или мешающего нужному направлению образа действия и проявления. Корреляция между первыми и вторыми состоит в характере обращенности проявления – от действителя или носителя признака как объекта оценки на систему-объект (объявляемый строящийся социализм, советский строй) в первой группе и в носителе признака или действителя, в нем самом, по отношению к множеству ему подобных и равных во второй. То есть, тем самым, направленного не прямо к системе и действующего не в ней самой, не внутри ее, а через множество тех, от которых зависит потенциальный успех ее осуществления, реализации. Первая группа, тем самым, предполагает позицию отношения лица к системе как проекцию на субъекта, ведущего для советской действительности финитного отношения, если под финитностью понимать категорию направления на систему-цель – объявляемый строящимся социализм и советский строй как объект общественного стремления (*opus finitum*). Вторая группа – позицию отношения лица ко множеству-социуму и внутри него, с проявлением категориального отношения деформации в социальных массивах.

Слова третьей группы определяют и называют лиц «от системы», как ее нежелательные продукты, проводники ее действия и влияния в социальных массивах, подстраивающиеся под нее и к ней приспособливающиеся, в своем

поведении, образе действия, отношении к окружению, ближним, среде. Позицию эту и эту направленность можно определить в отношении «от системы к лицу», в категориях продуцирующего формирования (своего рода измененного состояния) искаженной системой структуры субъекта-лица.

Четвертую группу составляют слова, определяющие и характеризующие лиц, подстраивающихся, приспособливающих свое поведение, образ действия и отношение, но не к системе, а к социальному множеству. Отсюда их не прямое, а только притягиваемое в советский язык положение. Это слова с позицией «от социума, множества к субъекту-лицу» и нейтральное, безразличное в своем семантическом представлении, отношение к категориям советского языка. Так, если первую группу составляют деструкторы по отношению к финитной системе, вторую – деформаторы ее социальной базы и почвы-массива, третью – продукты ее «искаженного» социального и психологического воздействия как состояния, то четвертую – стоящие вне ее, как таковым образом ей не свойственные, но и не чуждые в целом, не отрицаемые ею (последнее как определяющий признак можно было бы отнести к группе пятой).

Дополнительным категориальным признаком, дифференцированным по четырем представленным группам, можно ввести показатель активности или пассивности, с уточнением к потенциальности того и другого. Активность или пассивность субъекта-лица в своем характеризуемом как негативное отношении-состоянии зависит во многом от выделяемой направленности. Деструкторы первой группы, с направленностью своего проявления к финитной системе, представляют потенциально активное состояние в отношении к ней. Не в отношении, что важно, характерного действия (действий), их типа и вида, а в предполагаемом достигаемом результате, направленном на систему-объект.

Возьмем для примера несколько слов первой группы. *Аллилуйщик* характеризуется по словарям [Большой толковый 2000], [Мокиенко, Никитина 1998] как 'тот, кто чрезмерно восхваляет кого-л., что-л.'. Интересующий нас категориальный семантический показатель потенциальной активности заключен не в признаках 'чрезмерно' и 'восхвалять', предполагающих интенсивность и, может быть, необоснованность определяемого действия-проявления, характеризующего лицо, а в том, что в приведенном определении не названо, но что будет иметь отношение к предмету данного рассмотрения. Любой ли объект, характеризующийся в дефиниции как кто-л., что-л., может быть предметом такого предполагаемого восхваления? Поскольку речь идет о слове советского языка, типичный выбор такого объекта

исходно окажется ограничен. Это или система, советский строй в различных ее составляющих или то, что прямо и непосредственно, а может быть и косвенно, связано с ней – представители власти, деятели советской культуры, искусства, их произведения, строители социализма и пр. *Аллилуйщик* и *аллилуйщина* обусловлены в употреблении тем, что связывается в советском языковом представлении с тем, что подходит под определение *наши успехи и достижения*, тем, чем *может гордиться страна*. *Наши*, при этом, равно как и слово *страна*, следует воспринимать как *советские*. Невозможно себе представить, чтобы льстецов, готовых к чрезмерному восхвалению, скажем, российского императора, его вельмож и министров, равно как и царский режим, или какого-нибудь зарубежного политического деятеля, диктатора, владыку, руководителя, лидера и их системы, со свойственной разбираемому слову иронией и осуждением и в рамках того же советского языка, могли бы назвать *аллилуйщиками*, а их действия *аллилуйщиной*. Объект восхваления должен быть, тем самым, определен как такой, который связан с советской системой как *opus finitum*, т.е. как достигаемая советским обществом в его стремлении и развитии цель. *Аллилуйщик* по отношению к этой видимой цели общественного движения оценивается и преподносится как агент, а *аллилуйщина* как явление, разрушительные и потенциально активные в предполагаемом своем результате. Потенциально – поскольку заложенные в результате не прямо, не в разрушении состоит направленность данного вида деятельности. Активные – поскольку результатом предполагается не строительство, а развитие и создание советской системы, а ее остановка, стагнация и торможение, т.е. то, что обратно созданию, а тем самым, как результат, перерождение и разрушение в своих закладываемых, предполагаемых основах.

Аналогичным образом такие слова, как *зажимщик*, *прижимщик* 'тот, кто препятствует свободному проявлению чего-л.' [Большой толковый 2000], 'мешающий, препятствующий чему-л.' [Мокиенко, Никитина 1998] – *зажимщик критики*, *хлеба*;; *перестраховщик*, 'проявляющий чрезмерную осторожность, ограждающий себя от принятия ответственных решений' [Мокиенко, Никитина 1998], *перегибщик*, 'допускающий перегибы (нарушения правильной линии, вредная крайность в какой-л. деятельности)', *авральщик*, *штурмовщик*, 'выполняющие работу наспех по причине отсутствия планомерности и организованности в деле социалистического строительства', что неизбежно влияет на ее качество и результат и потому оценивается как деятельность потенциально вредная и разрушительная, равно как и другие слова этой группы, следует понимать и интерпретировать в отношении действий к со-

ветской системе, имеющих непрямым результатом (потенциальность) нарушение принципов ее объявляемого функционирования, в конечном итоге ее искажение и разрушение (активность).

Слова второй группы следовало бы определить в отношении дополнительного категориального признака как характеризующиеся пассивностью и потенциальностью, следующих из их направленности в семантике не к финитной системе, а к социальному множеству. *Фарцовщик* 'тот, кто занимается фарцой, т.е. незаконной продажей антиквариата и импорта, прежде всего одежды', *прогульщик*, *халтурщик*, *порубщик*, *жалобщик*, *потаковщик* и др. тем отличаются от слов первой группы, что, представляя собой нарушения, деформацию в области устанавливаемых общественных отношений, не напрямую, а через эту сферу, тем самым, пассивно, а не направленно, влияют на достигаемую цель советского общественного стремления. Потенциальность как признак связывается, как и в словах предыдущей группы, с отсутствием прямой и открытой направленности к деформации общественных отношений у называемых и характеризуемых соответствующим образом лиц. Соотношение дополнительных категориальных признаков у слов этой группы, в отличие от слов предыдущей, имеет поэтому соположенный, а не взаимно включенный характер, поскольку пассивность относится к опосредованно-неактивному действию на систему, а потенциальность – на предполагаемый результат. В то время как в первой группе потенциально активными полагаются действия в результате, имея, тем самым, направленность на общий актант.

Третью группу, представленную словами, называющими лиц, характеризуемых как продукты системы, отмечает признак активности, связанный с их воздействием на другое лицо, других лиц, окружение в целом. Система, намеренно и ненамеренно, воспроизводит таких, как *глубинщик* 'сотрудник КГБ (копающий на глубину, в том числе в чужих секретах, жизнях и душах)', *гуталинщик* 'Сталин (черный душой и телом, сын сапожника, всеобщий чистильщик)' (В том числе, возможно, как сын сапожника и всеобщий чистильщик. Ср. у Ж. Росси: «Примеч.: маленького роста, чёрный и рябой, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, Сталин напоминал тех кавказцев-ассирийцев, уличных чистильщиков сапог, которые пользовались гуталином». [1987, 1: 95]), *керосинщик* 'подстрекатель и провокатор (как „поджигатель“, подливающий масло в огонь)' (У Росси: «тот, кто подливает масло в огонь» [1987, 1: 154], «подстрекать, провоцировать, подливать масло в огонь; ср. *керосинщик*». [1987, 2: 291]), *сыщик* 'тот, кто вынюхивает, доискивается, интересуется чужими секретами, вещами и обстоятельствами, ищайка, сек-

сот', *понукальщик* 'тот, кто понукает, подгоняет к работе', *дурильщик* 'тот, кто обманывает, водит за нос, отлынивает, прикидывается не тем, кем есть', *локатор* 'тот, кто подслушивает, возможно, с намерением доносить', *добытчик*, *захребетник*, *наплеви́ст* и т.п. Испытываемое от них негативно оцениваемое воздействие воспринимается как активное, являясь сознательным и направленным, а не косвенным, случайным и опосредованным с их стороны.

Четвертая группа характеризуется изначальной противоречивой двойственностью, активной пассивностью со стороны лица. Активность связана с характером, отчасти осознанностью, осуществляемых им действий и проявлений, пассивность – с их ненаправленностью, проявлением не нацеленным, а как таковым. *Морильщик* 'тот, кто долгим и нудным повествованием о чем-нибудь, однообразием и монотонностью способен уморить, занудить', *бурильщик* 'тот, кто забуривается, т.е., увлекаясь, теряет способность оценивать ситуацию, реакцию окружающих на себя', *удильщик* 'тот, кто вольно или невольно кого-то на чем-то пытается подловить, выжидает, следит', *пилитьщик* 'тот, кто изводит, донимает других моралью, попреками, занудствует', *хозяин* 'тот, кто держится высокомерно, пренебрежительно, властно, не считаясь с мнениями, желаниями, обстоятельствами других', *затейник* 'тот, кто выдумками, обманом, хитростью пытается выгадать себе что-нибудь за счет других; плут, мудрила, хитрец', *нахлебник* 'тот, кто живет за чужой счет' и т.п. являются таковыми по добровольному выбору и характеру, стали такими под действием окружения, воспитания (социального множества), выработав это в себе как линию поведения, – активно со своей стороны, но не активно и не направленно в отношении своего окружения.

Отношения, связывающие выделенные четыре группы негативно оценочных слов (Группы связываются также по-разному взаимодействующими в них и общими категориями, такими, как финитность, массив, субъект, деформация, продукт (из названных), но эти отношения и связи в своем классифицирующем представлении намного сложнее), определенные ранее как отношения корреляций и противопоставлений, можно представить следующим образом:

1. от субъекта-лица к системе (с потенциальной активностью действия-проявления в результате)	3. от системы к субъекту-лицу (с активностью действия)
2. от субъекта-лица к социальному множеству (с пассивностью к действию и потенциальностью к результату)	4. от социального множества к субъекту-лицу (с активной пассивностью действия)

Различия в выборе, степени и предпочтении советизированной оценочности, отражающие себя в неравном и дифференцированном отношении к лексике общенародного языка, дают возможность говорить о регулятивной определенности искомых оценочных оснований. Если первую группу составляют слова, характеризующиеся значительной степенью подобного предпочтения, должны быть в них какие-то свойства и признаки, его обуславливающие. Будучи выявлены, они могут дать представление о направленности оценочных оснований. Замещенный, «вставляемый» характер советской оценочности, характерный для разговорной лексики общенародного языка второй группы, способен дать свое представление об этой оценочности, пополнив его соответствующим образом. Неявность, укрытость и двойственность третьей группы могут позволить определить те свойства и признаки, которые предполагают подобное отношение в системах советской негативной оценочности. Аналогичным образом лексика группы четвертой может дать повод для рассмотрения действия советизированного «притяжения», проявляющего себя в узуальном контексте, типичных конструкциях, употреблении и сочетаниях. И группа пятая, наконец, по принципу от противного, может дать материал для исследования того, что в лексике и языке не использовалось, оказалось недействительно и неприменимо в парадигматике советизированной негативной оценки.

Открытость соотношений, равно как и открытость оценочной лексики, в том числе характерной для советского языка, предполагает возможность перемещений. Представленные соотношения следует интерпретировать как такие, которые определяют концептуальные основания использования языкового материала, а не конкретно входящие в него и его определяющие лексемы и семантемы. Сами слова, т.е. рассматриваемая в ее отнесенности к языку советской действительности лексика негативной оценки, могут быть определены в известном соположении ядра и периферии – того, что почти бесспорно и очевидно относится к советизированной, в своем составе, оценочности, и того, что в разных, все более удаляющихся от очевидной бесспорности, степенях и пропорциях может ее содержать. При этом степень эта и эти пропорции переменчивы и могут зависеть от разных причин – узуальных, контекстных и темпоральных. Слова по-разному, случается, что и индивидуально, переживают свои отношения с приписываемой им советской оценочностью. Покажем это на примере слов с общим суффиксом *-ун*, постаравшись попутно также определить оценочную нагрузку и смысловую функцию данного суффикса в интересующем нас материале.

Из возможного перечня слов с указанным суффиксом типа *игрун*, *лизун*, *хохотун*, *хло-*

потун, пачкун, ворчун, молчун, потаскун, бормотун, вьон, баюн и т.п. советизированными можно считать несун, летун, писун, крикун, топтун / топотун, шептун, говорун, болтун, хрипун, пачкун, попрыгун, плясун. Количество слов с суффиксом -ун (-юн), обозначающих человека, согласно «Грамматическому словарю русского языка» [Зализняк 1977] выводится около ста. Соотношение лексем советских и общеупотребительных, таким образом, на примере выбранной группы можно было бы определить приблизительно как один к десяти, т.е. нельзя сказать, чтобы слишком значительное. Необходимо учесть при этом и то, что выбранные как советские лексемы, прежде всего, оценочны и по-разному, в разной степени могут быть в этом своем отношении определены. Сам суффикс -ун (-юн) в отглагольных образованиях, поскольку таковые будут интересовать нас в связи с анализируемым материалом, характеризуется как продуктивный и разговорный [Русская грамматика, I: 146] (Более подробную словообразовательную характеристику суффикса дает Т.Ф. Евфремова, выделяя следующие значения: «1) лицо по привычному действию или склонности к действию, названному мотивирующим глаголом, как: бегун, лгун, молчун, плясун, хохотун, шептун; 2) лицо – носитель признака, названного мотивирующим именем существительным или прилагательным: горбун, горюн, толстун.» [1996: 476]). Образований, не отмечаемых словарями, тем самым, может быть намного больше (разговорная речь, просторечие, сленг, жаргоны). Тип представляет открытый, незамкнутый ряд, в его составе возможны потенциализмы. Обозначает суффикс предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к действию» [Русская грамматика, I: 146].

Преобладают слова со значением лица. В этой группе, наряду с такими, как, скажем, бегун, прыгун, опекун, колдун, в основном не окрашенными, довольно значительное число составляют оценочно-экспрессивные слова типа потаскун, харкун, фыркун, храпун, едун, шатун, брехун, шаркун, пискун, хапун, скрипун и т.п. При этом вид и степень такой негативной в целом оценки могут быть разными, а характер ее зависеть в первую очередь от мотивирующего глагола. Одно дело исходно нейтральные бегать, прыгать, опекать, колдовать и другое – (по)таскаться, харкать, брехать, хапать, шататься, шаркать, жрать. Хотя подобное равновесие может не соблюдаться, ср.: нейтр. есть, стряпать и насмешл.-пренебр. едун 'тот, кто много ест', стряпун 'тот, кто плохо готовит, негодный повар' или ездить и не одобр. ездун. Расхождения в окраске могут зависеть также от различий в семантике: хрипеть нейтр. 'издавать хриплые, сиплые, не-

чистые звуки' и разг., часто неодобр. 'говорить, петь хриплым, нечистым, сдавленно неприятным, раздражающим голосом' > хрипун неодобр. 'тот, кто говорит, поет таким образом', реву́н нейтр. 'обезьяна' и неприязн. 'человек, ребенок, который много и часто ревет, кричит', грызу́н нейтр. 'животное' и неприязн. 'человек, ребенок, грызущий, не могущий удержаться от того, чтобы не грызть, любящий это делать', шату́н разг.-нейтр. 'медведь' и разг.-неодобр. 'тот, кто любит шататься, бродяга', неодобр.-осужд. 'бездельник, гуляка', неприязн.-осужд. 'редко ночующий дома, часто меняющий женщин, потаскун', вьон нейтр. 'рыба', 'растение' и разг., шутл.-ирон. 'юркий, вертлявый, непоседливый человек', неприязн. 'ловкий проныра', неприязн.-осужд. 'подхалим, угодник, подлиза, приспособленец', насмешл.-неприязн. 'назойливый ухажер', неодобр. 'потаскун, любитель женщин'.

Определяемое по «Русской грамматике» словообразовательное значение «производящий действие», с выделенным оттенком «склонный к действию», может быть интерпретировано в отношении «носитель характеризующего признака, выступающего как его отличительная черта». На этом строится характерная для данного суффикса оценочность: производимое действие, склонность к данному рода действию как постоянному проявлению признаку, становясь характеризующей для своего производителя особенностью, отличительной его чертой, воспринимаются как избыточные или неправильные, вытесняющие в нем представление обо всем остальном. Оценочность эта может поэтому проявить себя также для слов, изначально ею не обладающих. Молчун, певун, шалун, игрун легко могут стать словами, передающими неприязненно раздраженное или насмешливо пренебрежительное отношение к производителю соответствующих действий, обусловливаемое контекстом и ситуацией, но способное, закрепившись, стать постоянным: *И долго ты будешь так молчуном сидеть? Нашла себе какого-то там певуна. Да угомоните вы своего шалуна! Ну, из тебя и игрун!* Действия эти – молчать, петь, шалить, играть – в своем обычном, т.е. не характеризующем отношении (как излишние или не так совершаемые), не предполагают насмешки и раздражения, пренебрежения и неприязни. Не то, что, скажем, такие действия, как храпеть, сопеть, сморкаться, копать, орать, трясти, брыкаться и пр.

Выявленная особенность становится основанием негативной оценочности у соответствующих советизированных слов, включая в себя, помимо общей оценки, те признаки, которые связывают их с отношением к советской действительности по линии несоответствия ее создаваемому образу, желательного-позитивному представлению о ней. Говорун в контек-

сте советского языка – это не просто ‘тот, кто любит много говорить’ [Большой толковый 2000], а тот, кто делает это в ущерб работе, социалистическому труду, кто вредит своим говорением обществу, делу социализма, советской стране, говорит не то, что следует, не тем, кому можно, обещает невыполнимое, болтает лишнее. *Крикун*, соответственно, не просто ‘тот, кто много кричит’ и не только ‘человек, много и попусту говорящий; демагог’ (*Митинговые крикуны*) [Большой толковый 2000], а тот, который (что подразумевается, но не формулируется), привлекая к себе своим выступлением внимание масс, говорит не то, что можно и нужно, что одобрено, идеологически правильно, политически выверено, кто идет против намеченной линии и вразрез с тем, что требуется моментом. *Крикун*, тем самым и прежде всего, возмутитель и нарушитель общественного спокойствия, потенциальный вредитель, пособник и проводник враждебной политики и идеологии. *Хрипун*, соответственно, поющий и говорящий хриплым, сдавленно-сиплым, нечистым голосом, проводник не советского образа жизни и отношения, не принимающий, не одобряющий, осуждающий существующую действительность и советский строй (проводник-представитель уголовно-блатного мира и бунтарской культуры Запада).

Советизация, таким образом, состоит в узואльном сужении лексического значения, в наращении соответствующих семантических и коннотативных признаков. Структура семемы начинает включать в себя те признаки и элементы смысла, которые можно интерпретировать как элементы и признаки советской картины мира. Отсюда возможность, а также желательность определения этих признаков. Однако прежде чем постараться представить их в имеющем отношении к разбираемому материалу категориальном виде, имеет смысл обратит внимание на следующие особенности:

1) мотивационное (структурно-словообразовательное и семантическое) отношение советизированных единиц к материалу общенародного языка;

2) выделяемые степени советизированности характеризующихся единиц а) в связи с рассмотренными четырьмя группами, основанными на отношении лица к системе и социальному множеству или системы и социального множества к называемому словом лицу, б) в связи с другими какими-то признаками;

3) условия и границы советизированного перехода лексемы общенародного языка, механизм ее становления языковой (речевой) единицей советского узуса, пути приобретения ею данного узואльного статуса.

Из двенадцати выбранных с суффиксом *-ун* советизированных слов одно (*несун*) можно интерпретировать как новообразование языка

советской эпохи; два (*летун*, *топтун* / *топотун*) – как в значительной степени оторвавшиеся, в известном смысле омонимичные и параллельные образования в отношении к общенародным словам; три (*болтун*, *крикун*, *хрипун*) – как развившие на базе общенародных значений отчетливую советизированную семантику, позволяющую их рассматривать как самостоятельные лексические значения советского языка; три следующих (*шептун*, *плясун*, *попрыгун*) – как своего рода словоупотребления, использующие семантику общенародных слов с включением, добавлением к ней скрытых советизированных смысловых, но, в первую очередь, коннотативных оценочных оттенков и компонентов; и, наконец, два остающихся (*пачкун*, *писун*) – как значения-словоупотребления, представляющие собой проявления словесной игры, построенные на обыгрывании и использовании общенародных, во втором случае (*писун*) также омонимичных, значений, совмещающие в связи с этим в себе признаки слов типа *летун*, *топтун* / *топотун* и *шептун*, *плясун*, *попрыгун*.

Несун появляется, видимо, к концу 70 г. XX века (Русская грамматика 1980 г. отмечает это образование как новое [I: 146]) и обозначает ‘того, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает’ [Большой толковый 2000], ‘который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т.п.’ [Мокиенко, Никитина 1998] Слово, образуясь по типу *бегун*, *лгун*, *молчун*, предполагает использование основы настоящего времени в качестве мотивирующей основы (*нес-у – нес-ун*), представляя собой образование регулярное и продуктивное для разговорной речи [Ефремова 1996: 476-477]. Непосредственными предшественниками его в языке советской действительности можно считать три оценочных слова с тем же суффиксом – *болтун* (разглашающий тайну), *летун* (часто меняющий место работы), *попрыгун* (то же, что *летун*, но более с оттенком ‘не могущий усидеть, удержаться на месте’), с первыми двумя из которых данное слово можно было бы отнести к группе с наиболее ярко проявленной советизированностью. В то время как два последних (*летун*, *попрыгун*) обнаруживают с ним наиболее тесную мотивационную связанность, в наибольшей мере, как представляется, повлияв на возникновение слова *несун*, не в последнюю очередь обусловленное расширением общей для них тематической группы и наличием такой же оценочной характеристики: все три слова имеют отношение к производству и обозначают лиц, приносящих ему своим поведением вред. Объединяют эти три слова еще ряд признаков. Прежде всего, характер действия, связанный с перемещением, пересечением, нарушением устанавливаемых стабильных границ (отношение к локусу, признак места). Дей-

ствием неодобряемым и самовольным, совершаемым нередко в обход существующих правил и необходимо-желательных норм отношения к труду, объявляемым пропагандой как нравственные (Показателен в этом отношении приводимый в качестве иллюстрации к слову пример из «Толкового словаря языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998]: «Пресловутый «несун», ставший настоящим вором, причиняет **глубокий нравственный урон нашим принципам** (П.Ч.)» (Человек и закон, 1983, № 10, 39)). Из чего следует общая для этих трех слов оценочная характеристика. *Летун, попрыгун, несун* воспринимаются как не слишком значительные, но неприятно-досадные вредители на производстве. Их действиями руководит эгоистическое стремление к собственной выгоде и мелкособственнический интерес. Характеризует пренебрежение к интересам общества (социального множества), непонимание важности и глобальности социалистического строительства и, что из этого следует, своей роли на производстве как единицы данного множества, участвующего в этом строительстве своим объединенным трудом.

Появление слова *несун* обусловлено также негативными ассоциативными представлениями, связанными с глаголом *нести*. Помимо прямого и основного значения 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определенном направлении, доставлять куда-л.' [Большой толковый 2000], проявляющего три признака – прихватывание с собой, перемещение с этим в пространстве и доставление к месту, внутри которых скрыто уже заложена идея присваивания, прибиранья к рукам с последующим изменением местоположения в пространстве того, что взято, прихвачено в качестве груза, – помимо этих соотношений и связей, глагол *нести* проявляет также другие, ассоциативно и коннотативно значимые. Немотивированность, допускающая вмешательство неконтролируемых, стихийных, потусторонних сил и отсюда нежелательность и неожиданность возникновения (исчезновения), сопровождаемые недовольством, удивлением, возмущением: *Куда вас несет? Вот принесла нелегкая! Черт его принес! Куда его унесло? Каким ветром занесло? Несет меня лиса за темные леса* (из сказки). Передвижение помимо воли, предполагающее захватывание, увлечение какой-то силой: *Его несло на камни. Ветер нес бумажки, листья, всякий мусор. Река несла своим течением. Море унесло*. Сопровождение, появление, приход как следствие чего-л. далеко не всегда приятного: *Осень несет дожди. Тучи несут дожди. Старость несет болезни. Нанесло тут всякого*. Распространение, передача: *Несло холодом, дымом, гарью, дурными запахами. Несло затхлостью. Из подвала несло гнилью*. Сообщение, передача чего-л. пустого, неразумного: *нести чепуху, вздор, околе-*

сицу. Послушай, что ты несешь! Семантика глагола также связывается с неприятностями, потерями, тяжелыми обязанностями, трудностями: *нести потери, урон, ущерб, свой крест, обязанности, службу, нагрузку, нести на себе весь дом*.

Негативная оценочная коннотативность, таким образом, поддерживаются семантически, следуя из трех просматриваемых признаков: 1) потенциальная тяжесть (груза, того, что несут), 2) спонтанность немотивированной субъектности перемещения с ним (прихватывание с собой), 3) не всегда желательное изменение начального местоположения объекта с позиции и во мнении говорящего, наиболее ярко затем проявляющаяся в *унести*, образованном от *нести* и являющимся эвфемистическим синонимом слову *украсть*.

Может быть, более ярко формирующаяся семантика проявила бы себя в форме *унесун*, возможной и в разговорно-сниженной речи даже встречающейся, образуемой по аналогии с *убегун* 'тот, кто от кого- или чего-л. убегает', *улетун, умотун, уведун, ускаун, увезун, убредун, украдун, уползун, улепетун*, также разговорных и просторечных. Однако поскольку нормативные образования с данной приставкой суффиксу *-ун* не свойственны (видимо, в силу определения лица 'по привычному действию или склонности к действию', предполагающему действие как таковое, не связанное с каким-либо результатом, вносимым приставкой *у-*), *несун* содержит в своей семантике также и это значение с *у-*. *Несун* не только и не столько *несет*, сколько действием этим, несением, *уносит, выносит*, что и находит свое не отражение в дефинициях: 'тот, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает' [Большой толковый 2000], 'который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т.п.' (подчеркнуто мною – П.Ч.) [Мокиенко, Никитина 1998].

В интересующем нас слове срабатывают две составляющих из трех – прихватывание, связываемое с присваиванием субъектом-лицом того, что ему не принадлежит (скрытый и подразумеваемый компонент значения), и нежелательное изменение надлежащего местоположения того, что выносится, – за пределы предприятия, с пересечением, нарушением границ стабильного и должного местопребывания его как объекта (явный, открытый компонент). *Нести, летать* и *прыгать* в *несун, летун* и *попрыгун* передают, тем самым, общую для них идею неконтролируемой и немотивированной спонтанности со стороны субъекта-лица, с нарушением стабильности места – объекта в *нести* и субъекта в *летать* и *прыгать*.

Рассмотренные мотивационные основания советизированной оценочности в слове *несун* позволяют отнести данное слово, наряду с ему

близким *летун*, ко второй группе, предполагающей отношение субъекта-лица к социальному множеству. Данное отношение, как следует из рассмотрения, тяготеет к оценочности нравственного характера, в отличие, скажем, от слов первой группы (отношение лица к системе), в которых ведущей становится оценка идеологическая и политическая. Указанная закономерность, однако, не имеет в виду исключительности, поскольку нравственная оценка осуждаемого в отношении общества поведения очень легко перед лицом момента и политической необходимости может стать оценкой высшего уровня, связанной с отношением к системе, угрозой ее стабильности и существования.

Затронутую особенность хорошо демонстрирует слово *болтун*, советизированный облик которого четко связывается с перемещением его семантики по шкале оценочности от невинного в целом в своей основе неумения сдерживаться в своих речевых проявлениях через сплетничество, выбалтывание чужих секретов и тайн, к разглашению важных секретных сведений, в том числе государственного значения, и антисоветской агитационной деятельности. При этом, если первое предполагает реакцией утомление, неприязнь, раздражение, а второе – неодобрение, осуждение, нежелание иметь дело, вступать в какие-либо контакты и связи, стремление избегать, то последнее, третье, закладывает реакцию не индивидуального и не межличностного уровня отношений, поскольку речь идет о вредительстве государственного масштаба. Реакцией в этом случае предполагаются и должны быть негодование, общественное презрение, остракизм, желание немедленного наказания по всей строгости советских законов. Отношение личного неприятия, нежелание сталкиваться и стремление избегать, характерные для первого и второго уровней, на третьем, системном и государственном, в силу значимости потенциально следующего общественного вреда, меняет свою направленность – не самому стараться не сталкиваться и избегать, а изгонять такого из общества, обезвреживать, изолировать и изымать.

В чем конкретно проявляет себя советизированность рассматриваемого лексического значения? Обратимся к словарным определениям. **Болтун** разг. 1. Тот, кто много болтает; пустослов. *Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить* (К. Прутков). 2. Тот, кто не умеет хранить тайны (обычно о сплетнике). *Ну и б. же ты! Можешь довериться: я не б.* **Болтать** разг. 1. Вести лёгкий, непринуждённый разговор; много говорить (обычно вздор, пустяки или не то, что следует). *Б. без умолку. Б. весь вечер. Б. о том о сём. Б. челуху, глупости. Б., весело смеясь, шутя. О том, что видел, не болтай!* (никому не рас-

сказывай). 2. Проводить время в болтовне (2 зн.); много и попусту обещать. *Опять болтают, а решений нет как нет.* 3. Высказывать нелепые суждения, распространять слухи; выдумывать, наговаривать. *Б. разное, всякое про кого-, что-л. Болтают, будто конец света близок. Может, и впрямь инопланетяне? – Болтают...* 4. Бегло говорить на каком-л. иностранном языке. *Б. по-французски, по-немецки.* **Болтовня** разг. 1. Лёгкий, непринуждённый разговор. *Весёлая, оживлённая б. Б. детей. Слушать болтовню подруг.* 2. Бесплодные рассуждения, обсуждения, речи; пустые безответственные обещания; пустословие, говорильня. *Одна б.! Болтовни много, а результатов никаких.* 3. Сплетня, выдумка. *Не было такого, б. всё это.* [Большой толковый словарь 2000]

Оценочность данных определений связывается не в последнюю очередь с самим представлением о говорении, речи как о занятии малозначащем и непродуктивном (ср.: *говорить, а не делать; слово, не дело; говорун, говорильня*). К этому добавляется признак количественной избыточности (*много говорить*), бесплодной пустопорожности (*лёгкий*) раскованности и потому несерьёзности (*непринуждённый*), обычно бессодержательности (*говорить вздор, пустяки*), но часто видимой, поскольку то, что говорится, может стать нежелательным и потенциально опасным (*не то, что следует*). В представлении о *болтать, болтовне* присутствует также признак замещения положительных и производительных действий во времени, вытеснения действий, имеющих результат, псевдозанятости (*проводить время в болтовне, занимать чье-то время разговором, вместо того, чтобы делать*); признак замещения не только действий и положительной деятельности, но и действительного положения вещей, т.е. самой действительности, – ложь, обман, лживые обещания, нелепые суждения, слухи, сплетни, выдумки, наговоры. Связываться это может как с ненамеренным и безответственным поведением (по глупости, неопытности, неумению сдерживаться, правильно ориентироваться в обстановке), так и с действиями сознательными, направленными на то, чтобы исказить реальное положение вещей, либо объявляющими, выдающими скрытое и потому намеренно или потенциально причиняющими вред.

Итак, *болтать* – это, прежде всего, не делать и вместо того, чтобы делать, но при этом излишне много и безответственно, нарушая и искажая сложившиеся отношения и настоящее положение вещей. *Болтовня, болтать*, тем самым, воспринимаются как поведение, ненамеренно или намеренно, дестабилизирующее, из чего следует ее потенциальная вредоносность. Слишком много – пустых, замещающих и непродуктивных поэтому действий – иска-

жающих и нарушающих установленный лад – вредоносны. Таков приблизительный путь возникающей на базе данного слова оценочности.

В чем же советский характер рассматриваемого явления, в какой момент появляется соответствующий оценочный признак, следующий как таковой из всего представленного? Можно ли определять его как отделяющийся от общей семантики слова и отделяющийся в ней или ей добавляющий нечто свое от себя? «Толковый словарь языка Совдепии» содержит такое определение: «**Болтун** 1. Тот, кто разглашает тайну, секретные сведения. ... *Болтун – находка для шпиона.* ... 2. Лаг. Лицо, находящееся под следствием или осужденное за «болтовню» (разглашение государственной тайны) или «контрреволюционную агитацию». Росси, т. 1, 36.» [Мокиенко, Никитина 1998: 60]

Значение, объясняемое первым, внешне, а также согласно приводимому определению, не отличается от значения, которое в «Большом толковом словаре» [2000] дается вторым. Заметным и явным отличием будет в значении, приводимым как лагерное (т.е. жаргонное и ограниченное). Вывод, напрашивающийся сам собой, заключается в том, что советизированность в данном случае есть не что иное, как употребление общезыкового значения слова в контексте советского языка, тем более, что такое лексическое использование для него весьма характерно.

Представляет смысл, однако, задуматься над полнотой, точнее «советскостью», приведенного определения. Ничего типично и характерно советского в этом определении нет. Всякий ли 'тот, кто разглашает тайну, секретные сведения', должен считаться *болтуном* в советском смысле этого слова? Видимо, не совсем. Важно, какого характера эта тайна, что за секретные сведения им разглашаются и не менее важно, кому, при каких обстоятельствах. *Болтун*, таким образом, в первую очередь, нарушает имеющийся и установленный (гласно или негласно) порядок обмена и передачи той информации, которая, имея статус «секретная» или «служебная», сообщению лицам, не имеющим к этому разрешения или допуска, не подлежит. Можно и стоит заметить, что все это так или иначе имеет связь с разглашением тайны, тем самым, секретного знания, не подлежащих распространению сведений. Советскость рассматриваемого значения, как можно предположить, состоит в его отнесенности не столько к контекстам советского языка, сколько к самой, закрепленной в нем, связанности с картиной советской действительности, которая и определяет, в случае своего вхождения в семантическую структуру лексического значения (либо втягивания ее в себя), вид и степень советскости. Слова-советизмы, или слова советского языка, являются таковыми не в силу только употребления в нем (такое тоже имеет место, но эти словоупотребления советизмами

не следует называть), а в силу нагруженности лексического своего значения, включения в его состав концептуальных и экзистенциальных признаков советской картины мира. Отсюда 1) необходимо ясное категориальное представление о ней таковой и 2) те или иные выведенные на этой основе категориальные признаки должны быть закрепленными компонентами лексического значения соответствующей единицы как единицы не только русского, но и советского языка. Так, к примеру, если *несун*, *летун*, *попрыгун* имели категориально-оценочным семантическим признаком отношение к **месту** (объекта или субъекта-лица), понимающемуся для них как им свойственное, надлежащее, не сменяемое по собственной воли и в связи с этим стабильное, место производственной деятельности (предприятие), то *болтун*, в советском своем значении, связывается с категориальным признаком отношение к **знанию**, интерпретируемому как сведения не к всеобщему распространению, статусные в своем отношении к системе и связанности с ней и потому охраняемые. Степень (уровни) этой статусности могут быть разными – от государственной тайны (болтовня-шпионаж) до высказывания своего отношения к советскому строю и социализму как общему делу (**opus finitum**), что и нашло свое отражение во втором приведенном значении *болтуна*, помеченным как специальное и лагерное (болтовня как враждебная агитация).

Для большей отчетливости затрагиваемых вопросов обратимся к другим словам того же ряда с суффиксом *-ун*. *Летун*, *топтун* / *топотун* были нами определены как слова, в значительной степени оторвавшиеся, в известном смысле омонимичные и параллельные, к общенациональным своим коррелятам. Связано это с тем, что *летун* в первом своем значении ('тот, кто летает', также о летчике, || 'кто способен быстро передвигаться, мчаться, скакать') представляет образование от *лететь* / *летать* в фиксируемых нормативными словарями значениях ('перемещаться по воздуху с помощью крыльев' > 'мчаться'), а во втором 'тот, кто часто меняет место работы' от *летать* 'часто менять место работы, учебы', фиксируемом далеко не во всех словарях (Как пятое и предпоследнее это значение отмечается в словаре Т. Ф. Ефремовой. [2000, 1: 784]), т.е. воспринимаемом как не активное, периферийное. Появление интересующего нас значения у слова может быть следующим. *Летать* в отмечаемом словарями последнем своем значении 'двигаться, передвигаться легко и быстро, едва касаясь земли, пола и т.п.' || разг. 'торопливо бегать, ходить, ездить в разных направлениях в течение длительного времени'[Словарь 1981, I], [Большой толковый 2000] (*летать по городу, летать туда и сюда, летать с места на место*) начинает ис-

пользоваться в значении 'скакать, прыгать с одного места работы на другое' в соответствующих контекстах и словосочетаниях. По аналогии с *прыгун, скакун, шатун, вертун, мотун, потаскун*, объединяемых смыслом 'тот, кто находится в постоянном моторном, неуправляемом движении, не могущий усидеть на месте', образуется *летун* в значении 'не могущий долго усидеть на одном рабочем месте, постоянно меняющий работу', сюда же добавляется семантика *летать, порхать* с оттенком легкомысленности, несерьезности, нестойкости, отсутствия, неустойчивости, непорочности, безответственности (*всю жизнь порхает, ему бы только порхать, летать за девушками, летать в мечтах, в мыслях*). Значение это у *летун*, с одной стороны, оказывается более употребительным по сравнению с соответствующим значением глагола, заслоняя его собой, так что *летать* в значении 'часто менять место работы' можно воспринять как производное от *летун*, вторичное по отношению к нему, а с другой, – как самостоятельное и независимое, параллельное образование к *летун* первого значения ('тот, кто летает, летчик; способный быстро передвигаться, мчаться').

Советизированный характер рассматриваемому значению придает его неслучайная включенность, втянутость в советскую действительность: несерьезное, безответственное отношение к труду, к социалистическому строительству со стороны лица-субъекта. Психологическая внутренняя нестабильность неустойчивого „я“ субъекта, его социальная незрелость, неумение ладить в коллективе, находить общий язык с начальством оборачиваются дестабилизацией на производстве. Происходит включение и, в конечном счете, замещение коннотативных компонентов семантической структуры: *летун*, как разговорное и общезыковое, с компонентом 'неустойчивый характер, тот, на кого нельзя положиться, ненадежный человек, временщик на производстве', переходя в *летун* советское включает смысл 'дестабилизирующий социалистическое производство', заслоняющий и вытесняющий собой указанный первоначальный. Замещение, замещенность одного другим как свойство, будучи отличительной чертой советской пропаганды, находит свое выражение при этом как на уровне семантики и коннотатируемого устройства слова, так и в отношении его употребления и политической нагрузки в языке. *Летун* в своем советском узуальном проявлении замещает приписываемые ему в разговорной речи компоненты коннотативного характера, распространяя и отчасти вытесняя, заслоняя их: 'тот, кто, часто меняя место работы' > 'наносит вред производству и всему советскому строительству'. Аналогичным образом в языке советской пропаганды слова такого рода, как *летун, несун* и т.п., замещая действительное положение

вещей – порочность системы социалистического производства – используются для объяснения, фактически подмены, причин постоянных неудач. Механизм действия – оформления значения и коннотации слова и его использования в языке политики – оказывается подобным.

Топтун / топотун обнаруживает с рассмотренным *летун* то общее, что в советизированном своем значении значительно отходит от *топтун / топотун* общезыковых значений, возникая, как представляется, не от него, а от глагола, вытесняя на периферию, заслоняя собой и соответствующее значение глагола, и значение существительного, к которому, со словообразовательной точки зрения, должно рассматриваться как становящееся ему в параллель.

Прежде чем предложить вероятный путь появления интересующего нас значения *топтун / топотун* в языке советской действительности, обратимся к словарным определениям:

Топотун тот, кто ходит, топя ногами (обычно о ребенке) < **Топотать** часто и громко топать при ходьбе, беге и т.п. [Большой толковый 2000]

Топтун тот, кто топчется в бездействии, нерешительности [Ефремова 2000, 2] < **Топтаться на месте**. **Топтаться** ходить, передвигаться с места на место на небольшом пространстве (обычно без особого дела, надобности, прока или, наоборот, в делах, в хлопотах). [Большой толковый 2000]

[**Топтун** тот, кто топчет] (В квадратных скобках представлены реконструируемые единицы) < **Топтать** 1. Мять, подминать, давить при ходьбе, беге или в порыве злобы, гнева (*Т. посе́вы, яго́ды, муравьи́в, огонь, пла́мя, ко́стёр*); 2. Разг. Грязнить, пачкать ногами при ходьбе (*Т. кове́р*); 3. Разг. Снашивать при ходьбе (обувь), стаптывать (*Т. ба́шмаки*); 4. Спец. Давить, разминать, мять ногами для какой-л. практической надобности (*Т. глину, ко́жи, снопы*); 5. Выражать грубое пренебрежение к чему-, кому-л.; унижать, оскорблять, попира́ть (*Т. чей-л. авторите́т, чье-л. достои́нство, чье-л. че́стное и́мя*); 6. Разг. Спариваться с самкой (о птицах). *Петух топчет курицу*. [Большой толковый 2000]

Топтун насмешл. презр. жарг. тот, кто тайно следит, наблюдает за кем-л.; соглядатель, сыщик, оперативный работник. < [**Топтаться**] • Ироническая образность человека, который вынужден подолгу топтаться на одном месте, выслеживая, поджидая объект, в любую погоду. [Химик 2004: 611]

Топтун 1. Непоседа, егоза. 2. Тот, кто наблюдает, шпионит, подглядывает (возм. влияние уг. «топтун» – охранник, надсмотрщик). [Елистратов 2000: 469]

Топтун сыщик, сексот, детектив. [Квеселевич 2003: 850]

Топтун 5. Угол. Представитель правоохранительных органов, оперативный работник милиции. 6. Крим., мол. Телохранитель, охранник. [Мокиенко, Никитина 2000: 591]

Топтун филер [Росси, 2: 410]

Топтун 3. То же, что Тихарь, 4. Телохранитель. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 246]

Тихарь 1. Оперативный сотрудник органов МВД, КГБ. 2. Сотрудник милиции в штатском. 3. Внештатный сотрудник органов МВД, КГБ. 4. Доносчик, осведомитель. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 244]

На основании представленного можно вывести два возможных способа мотивации интересующего нас значения: от глагола *топтаться* 'ходить, передвигаться с места на место на небольшом пространстве (обычно без особого дела, надобности, прока или, наоборот, в делах, в хлопотах)' и из уголовно-жаргонно-лагерного *топтун* 'тот, кто наблюдает, шпионит', 'филер', 'оперативный сотрудник', 'сотрудник милиции в штатском', 'внештатный сотрудник', 'охранник, надсмотрщик', 'телохранитель'. Совмещаемыми мотивирующими составляющими можно считать агентивное отношение субъекта-лица, его проявление к пространству и месту – перемещение (топтанье) без продвижения вперед, без пользы и прока, с одной стороны, и его отношение к лицу-объекту, тому, кто определяет его *топтун*-ом, с другой, характеризуемое как топтание вслед, по следу, рядом, преследование, топтание около, неотступление ни на шаг. В этой второй составляющей можно увидеть коннотативные отражения всех шести выделяемых в «Большом толковом словаре» [2000] значений глагола *топтать* как воплощение отношения советской системы, через представленного ею агента, к наблюдаемому и контролируемому объекту-лицу – мять, давить, подминать, подавлять, не без порывов злобы и ненависти, пачкать, грязнить ногами, снашивать, стаптывать, давить, разминать для собственной надобности, унижать, оскорблять, попирать и, совсем уже грубо, иметь. *Топтать* в этом случае означает 'перемещаясь на небольшом пространстве, неотступно и около, не имея иного дела, а потому без пользы, подавляя грубо и не особо скрываясь с этим (*топотун* < *топотать* 'часто и громко топтать ногами'), физически и морально постоянно уничтожать'. *Топтун*, вариант *топотун*, таким образом, в языке советской действительности, отмечая коннотативно сказанное, может быть определен как 'тот, кто, не имея иного занятия и ни к чему иному способностей, неотступно топчется на одном месте в непосредственной близости от лица – объекта своего наблюдения', с позицией, характерной для третьей группы (см. табл.) – от системы к лицу как проводник ее действия в социальном множестве.

Как и в случае со словом *несун*, тем самым, в *топтун* / *топотун* проявляет себя категория отношения к месту. Категория эта может быть определена как мотивационно-оценочная, поскольку связывается не столько с обозначаемым референтом (сотрудник органов), сколько с внутренней формой лексического значения, той основой, которая, будучи образной, передавая картинку изображаемой ситуации: *топтун* – тот, кто топчется на одном месте, стоя перед окном, за углом, за дверью, рядом с тобой, у тебя за спиной, – становится мотивирующей по отношению к передаваемой словом оценки. Однако, будучи общей с рассмотренными *несун*, *летун*, *попрыгун*, категория эта имеет иной характер. Если в указанных трех словах место определялось в связи с нарушением его стабильности в отношении объекта (*несун*) или субъекта (*летун*, *попрыгун*), то *топтун* проявляет идею бесплодного и несвободного, поскольку привязанного перемещения (топтания) на одном месте в пределах ограниченно-малой локализованности. Проявляемыми признаками категории места, как мотивационно-оценочной в отношении характеризуемого ею субъекта-лица, таким образом, будут бесплодность перемещения (непродвижение вперед при затрате усилий), привязанность к наблюдаемому лицу-объекту, в связи с чем несвобода, зависимость, ограниченность, малость и, как следствие, неспособность ни к чему иному, продуктивному и полезному. Из чего и следует соответствующая негативно заряженная оценочность данного слова.

На примере рассмотренных слов были выведены две категории, природа которых определилась как мотивационно-оценочная, – категория **места** для *несун*, *летун*, *попрыгун*, *топтун* / *топотун*, с различным образом организуемой далее подсемантикой, и категория **знания** для *болтун*. Категории эти позволяют определять развитие, оформление, появление у слова признаков советизированности, переход его в слово советского языка. Определяющим в этом случае должно быть соотношение его семантики с той языковой картиной мира, которую следует описать и представить в ее концептуальных основах как картину советскую. Характер соотношения семантики слова с этой картиной в ее системно-категориальном устройстве влияет на вид и степень советскости слова, его соответствующей заряженности и ангажированности. На примере нескольких слов, рассмотренных ранее, механизм такого соотношения, прежде всего в связи с позицией к таким составляющим, как система, социальное множество, лицо-субъект, в общих чертах был показан. Степень советизированности может быть обусловлена также характером проявления самой оценочной категории, устройством ее подсемантики в отношении слова, а также самой категорией с учетом ее позиции в

той парадигмосистеме, которая определяется как советская языковая картина мира. Вывести и описать ее в сколько-нибудь достаточно представительном виде можно было бы после подробного и основательного изучения разнообразного языкового материала. Выбранный для настоящего рассмотрения лексический материал позволяет только наметить подходы к ее представлению. Поскольку материал этот негативно оценочный, имеющий отношение к обозначению лиц, категории, выводимые и следующие из него, неизбежно содержат в себе акценты и признаки соответствующего концептуального и коннотативного разворота, являющего собой отражение, воплощение и проекцию общей системы, но не ее самоё. Вместе с тем и в этом избранном для анализа материале можно найти и увидеть свойства и признаки целого. Первое, на что следует обратить внимание, говоря об оценочных, в данном случае, категориях советского языка, это на то, чем они отличаются от также оценочных категорий, скажем, но не специфично советских, не советизированных. Коль скоро признаком советизма становится его отношение к соответствующей категориальной системе, включение ее категорий как семантических признаков в свой состав, необходимо четкое представление о том, какие именно категории и какого вида являются категориями советского языка, в чем их отличие и специфика по сравнению с другими. Поскольку так же, как язык советской действительности в лексемном своем составе – это в основном не что иное, как препарированный особым образом русский язык, аналогично и категории советского языка, в том числе и оценочные, должны представлять собой в своей исходной и общей основе категории общего парадигматического и оценочного устройства, каким-то необходимым и соответствующим образом измененные и препарированные. Сказанное, в своем неполном и первоначальном отображении, будет предметом второй, посвященной той же проблеме, статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
 Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.
 Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
 Горбаневский М.В. Имя, наполненное временем // Русистика, 1992, № 1.
 Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). М., 2000.
 Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
 Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1-2, М., 2000.
 Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
 Земская Е.А. Введение. Исходные положения исследования // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.
 Зильберт Б.А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994.
 Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.
 Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.
 Клемперер В. ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записные книжки филолога. М., 1998.
 Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
 Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.
 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
 Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
 Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975.
 Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991.
 Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.
 Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981.
 Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Гл. ред. Г.Н. Складневская. СПб., 1998.
 Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
 Шарифуллин Б.Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология: Новый взгляд. М., 1990.
 Fillmore Ch. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics / Ed. by F. Kiefer. Dordrecht, 1969.
 Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.
 Seriot P. Analyse du discours politique soviétique // Cultures et Sociétés de l'Est, 2. Paris, 1986.
 Weiss D. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985, München, 1986.
 Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // Revues des études slaves 1982, v. 54, № 13.
 © Червиньски П., 2007